

страна востока

// хождение за три моря //

// этнографические этюды //

// тропы //

// всемирное наследие //

// лавка востокоеда //

// почитатель //

// orientnet //

...ведь целью нашей была не просто страна Востока,
или, лучше сказать,
наша страна Востока была не просто страна,
не географическое понятие,
но она была отчизной и юностью души,
она была везде и нигде,
и все времена составляли в ней
единство вневременного.

Г. Гессе

**Александр
Полещук**

Билет до станции Карфаген

Иногда города, погибнув, превращаются в фигуру речи. Кстати и некстати мы поминаем в разговоре Вавилонское столпотворение, но где он, Вавилон, и где его знаменитая башня – столп, творимый разноплеменными строителями? Где Иерихон с его стенами, где Троя с её конём, где, наконец, Тмутаракань с её идолом? Их давно нет, остался только словесный шлейф.

Среди таких городов-фантомов числится и Карфаген, основанный финикийскими колонистами в IX веке до н.э., будто бы даже раньше Рима – города, именуемого Вечным.

Что такое Карфаген?

Надпись на карте, рядом с тремя точками пирамидкой, которыми обычно обозначают исторические развалины.

Сами развалины, куда привозят толпы туристов, коллекционирующих впечатления.

И фраза, произносимая в автобусах на всех наречиях – от ирландского до японского: «Карфаген должен быть разрушен».

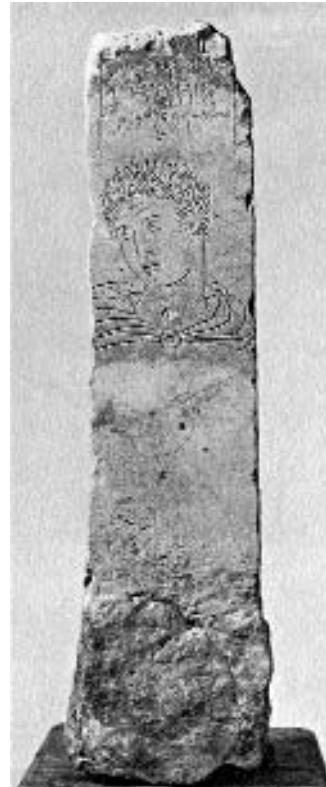
Спросите гида, почему «должен», зачем «должен» – ответом вам будет удивлённое: «Так сказал Катон». И ты, обалделый, вдруг начинаешь понимать, что в памяти людей об этом городе не осталось ни стен, ни башен, ни идола, ни даже какого-нибудь деревянного коня – один лишь боевой клич римского сенатора звучит в веках. Невероятно. Что знаете вы о Карфагене? Первое, что приходит в голову: его надо разрушить. Бренные останки города давно уже стали тем, что на языке археологов зовётся *культурным слоем*, но постоянно слышишь угрозу: «Карфаген должен быть разрушен!».

Как известно, идеи, особенно прогрессивные и агрес-

Александр Александрович
Полещук – журналист,
главный редактор журнала
«Восточная коллекция».

Любопытна судьба этого города,
который так странно связан с Римом!
Город, который в течение долгих Пунических войн
был соперником Рима,
затем его данником
и, наконец, жертвой в 146 г. до н.э.
Тем не менее прошло лишь двадцать лет –
и Рим возродил Карфаген.
Самый великий из Цезарей возвратил ему богатство.
И вскоре, сначала на экономическом уровне,
а затем и на «мистическом»,
город снова стал, благодаря своей новой силе,
прямым соперником Рима.
Карфаген был ключом от дверей в Африку,
источником зерна.
Его памятники были столь же величественны,
как и памятники Рима,
его сыновья были знамениты,
из его лона выходили императоры.
Новая религия – христианство –
прекрасно привилась в Карфагене:
здесь были и многочисленные мученики и епископы,
с неохотой склоняющиеся перед папами,
богословы и апологеты,
которых почитает весь христианский мир.
Основанный ненамного раньше Рима,
Карфаген пал вскоре после него.
Так мог ли существовать один без другого?

Мадлен Ур-Мьедан,
главный хранитель национальных музеев Франции.

Стела с портретом карфагенского полководца времён Пунических войн.

сивные, время от времени становятся материальной силой. Призыв, которым сенатор Катон заканчивал свои речи, в конце концов возымел действие. В 146 г. до н.э. римское войско разрушило и сожгло Карфаген, а его территория была распахана и засеяна солью, чтобы ничего живого не

росло на проклятой земле. Представим себе масштаб этой разрушительной работы: население Карфагена приближалось в ту пору к 700 тысячам человек, а площадь составляла около 20 квадратных километров.

Так закончилась III Пуническая война, знакомая нам (по крайней мере людям

Вид на развалины терм Антония с холма Бирса.

Женские маски из карфагенских погребений передают характерные этнические черты пунийцев. VI–V вв. до н.э.

старшего поколения) из школьного курса истории.

Однако слишком удобным был залив на африканском выступе для торгового и военного порта, слишком выгодно было его геополитическое, как сказали бы сейчас, положение. И в IV до н.э. Юлий Цезарь повелел на месте Карфагена устроить колониальный город – с прямыми улицами, амфитеатром, форумом, термами и другими признаками римской цивилизации. Однако просуществовал новый город не столь долго, как его предшественник. В 439 г. н.э. вандалы во главе с королём Гензерихом разгромили римские войска, и Карфаген стал столицей их государства. Через сто лет он перешёл к византийцам и прозябал в провинциальной тиши, пока арабы в 698 году не смели его с лица земли безвозвратно.

Электрический поезд Северной железной дороги Туниса пересекал по дамбе Тунисское озеро – лагуну Средиземного моря. В кармане у меня был билет до станции Карфаген – Ганнибал и обратно.

Я путешествовал один и – слава Богу! – в иноязычной среде, поэтому был избавлен от необходимости отвечать улыбкой понимания на бессмертное высказывание Катона, процитированное соседом. «Спокойствие моих ушей давало полную свободу глазам моим заниматься наруж-

ностию предметов, особенно лицами» (Карамзин).

Шесть железнодорожных станций, подобно межевым столбам, напоминают о границах великого города: Карфаген-Бирса, Карфаген-Дермеш, Карфаген-Ганнибал, Карфаген-Президент (поблизости вилла президента Туниса), Гамилькар... Исторический ряд, похожий на запоздалое извинение, открывает станция с хрупким женским именем «Саламбо» – знак благодарности писателю Флоберу, автору романа из жизни Карфагена. Имя жрицы Саламбо романтичней, чем «Флобер», а почёта писателю не меньше. И для арабского уха, пожалуй, привычнее – не режет слух. Вроде бы слышится «салам» или «шолом» – в общем, что-то семитское, а ведь теперешние насельники этой земли, арабы, и финикийцы-карфагеняне – дальние родственники, те и другие дети Авраама, происходят из семитского корня. К тому же «Флобер» косвенно напоминало бы о колониальном прошлом, когда Тунисом владела Франция.

К счастью, французский язык остался здесь в качестве второго государственного. Иначе как бы ориентироваться иностранцу в стружечных завитках арабской графики? А так – видишь в окне эмалевую табличку *Salambo* и выходишь на чистенький бетонный перрон, заранее зная, что недалеко отсюда карфагенская достопримечатель-

тельность – святилище богини Тиннит. Ныне оно именуется «Тофет Саламбо», что окончательно вводит в заблуждение доверчивого туриста относительно выдуманной писателем Флобером жрицы этой богини.

Кстати о Флобере. Он посетил эти места весной 1858 года. Очевидно, к тому времени он уже прочитал учёные штудии о Карфагене и решил «привязать к местности» события будущего романа (раньше у нас такие поездки назывались «творческая командировка писателя»). Поэтому записки Флобера «Путешествие в Карфаген» местами напоминают отчёт о топографической съёмке: «Если повернуться лицом к Хаммам-Лифу, видишь равнину, а за ней озеро, и если стоять правым боком ко входу в церковь Святого Людовика, то напротив видны оба порта, полоска зелени и море...» Или: «Если с красного холма у подножия Сиди-бу-Саида смотреть на Карфаген, все неровности местности отсюда до Бирсы сглаживаются. Бирса скрывает от меня часть озера, я снова вижу его правее, около Туниса». Редко художник одолевает описателя местности, и в дневнике появляются буро-зелёные деревья, сверкающее пурпурным щитом солнце, неизвестная мадемуазель Розенберг с маленькими чёрными усиками и т.п.

Читая флоберовские записки, испытываешь мелкое тщеславие: и я там был.

Итак, если сойти с электрического поезда Северной железной дороги на станции Саламбо и стать лицом к морю, слева будет холм Бирса, увенчанный охристого цвета церковью Святого Людовика, справа – Тунисское озеро, а впереди – широкая улица, образованная двумя рядами богатых вилл.

Улица имени великого полководца Ганнибала, чуть было не взявшего Рим во время II Пунической войны, была покрыта тонким слоем желтоватой пыли. От моих шагов пыль разлеталась по сторонам и вспухала крохотными гейзерами. Должно быть, подумал я, знойный *сирокко* принёс её с безжизненных плоскогорий Сахары, и она легла на асфальт, подобно нашей снежной пороше.

Ограды усадеб по обе стороны улицы были сложены из ноздреватого песчаника, и это навело меня на другую версию происхождения пыли. Песчаник – камень мягкий, пористый, и, возможно, это из него сочатся мельчайшие частички. Этакie природные песочные часы, заведённые миллионы лет тому назад. Я провёл рукой по шероховатой плите – на ладони остался желтоватый налёт, как от цветка одуванчика. Возможно, эта пыль составляла когда-то панцирь доисторического насекомого или моллюска.

Стоял ноябрь, но в природе не было заметно и следа увяданья. С каменных оград свисали плети роз, бугенвилей и гибискусов с избыточно роскошными, на наш северный взгляд, соцветиями; за ними виднелись верхушки надменных олеандров, усыпанные алебастровыми цветками; дальше, в глубине усадеб, замерли лишённые плодов фруктовые деревья. Над всем этим великолепием царили финиковые пальмы с гроздьями прозрачных розоватых плодов и скошенными чёлками резных листьев.

Когда на плоскогорьях Сахары, ныне безжизненных, ещё паслись слоны – живые танки армии Ганнибала, – в садах карфагенской аристократии произрастали, как и теперь, красивые и полезные растения. «Это было в Мегаре, предместье Карфагена, в садах Гамилькара» – так начинается роман «Саламбо», и здесь нет художественного вымысла. Виллы и поместья карфагенской знати не уступали римским. Под шорох пальмо-

Финикийцы развели здесь финиковые пальмы в незапамятные времена.

вых листьев хозяева вилл наслаждались экзотическими винами и яствами и обсуждали новые морские походы и предприятия.

Карфагеняне были потомками ближневосточных хананеян, упоминаемых в Библии. Благодаря своей энергии, предприимчивости и настойчивости, хананеяне, известные грекам как финикийцы, а римлянам как пунийцы, постепенно расселились по берегам Средиземного моря, в западной его части. С аборигенами финикийцы предпочитали не воевать, а договариваться, порой пуская в ход хитрость. Легендарная царица Дидона попросила у африканского князька кусок земли размером с бычью шкуру. Простодушный туземец, конечно, не сообразил, что шкуру можно распустить на тонкие ремешки. Так Дидона получила Бирсу, что и означает «Бычья шкура», –

жения Карфагена – процветающего, несмотря на войны, города. Он побывал здесь в составе римского посольства в середине II века до н.э. и набрал пригоршню плодов в кожаный мешочек. В Риме Катон предъявил сенаторам роскошные оливки, заявив с обезоруживающей прямоотой: «Земля, где они растут, расположена всего в трёх днях морского перехода». Именно в тот день впервые прозвучала фраза, благодаря которой Катон вошёл в историю. Катон понимал толк и в оливках, и в судьбах мира: он был агрономом и писателем.

С некоторым трепетом ступил я на землю святилища Саламбо, где некогда совершались человеческие жертвоприношения. Место это, надо сказать, угрюмое: бугры и впадины, поросшие жёсткой травой, оп-

Погрузка зерна на римское судно в Карфагене. Фреска II–III в. н.э.

центр будущего Картхадашта – Карфагена – Нового Города. И скоро на берегах пустынных волн появилась крепость, застучали топоры кораблестроителей, зашумело торжище, а на целинных землях Средиземноморья зашумели оливковые рощи, зазеленели виноградники, поднялись плантации финиковых пальм, завезённых сюда из Месопотамии. Финикийцы любили финики.

«Карфаген был в своё время богатейшим городом мира. Сельское хозяйство, лежавшее в основе его благосостояния, почиталось занятием почётным, и знаменитый Магон оставил сельскохозяйственный трактат, который считался в древности образцовым, и по повелению римского сената был переведён как руководство для итальянских землевладельцев» (Моммзен).

Рассказывают, что именно великолепные карфагенские оливки навели сенатора Катона на мысль о необходимости уничто-

жившие археологические раскопы, дикие заросли. В смыкающихся кронах платанов и эвкалиптов возятся тысячи скворцов – лишь их несмолкаемый гомон звучит жизнеутверждающе в этой обители смерти.

Сад расходящихся тропок: налево вверх и направо вниз. Выбрал левую, по солнышку, и она скоро привела меня к полуобвалившемуся своду какого-то строения. Наклонный вход упирался в темень, откуда несло сыростью и тайной. Не решаясь войти, я вглядывался в сумрак, постепенно различая замшелые остовы колонн, груды камней, кладку стен.

Неизвестно, сколько стоял бы я, замороженный загадкой, если бы не вздрогнул от звука крадущихся шагов за спиной. К счастью, то оказался не карфагенский жрец в истлевшей хламиде, а небритый страж пунических древностей, недавно приветствовавший меня у турникета. Он решил помочь мне, рассчитывая на бакшиш. «Терме

роман!» – важно указал мой гид на подземелье. Стало быть, простая баня. Ну, не баня, так термы – с парилкой, мыльной, бассейном, массажной и мраморными скамьями для неторопливых бесед.

За две тысячи лет заведение римских коммунальчиков ушло под землю, заросло травой и терновником. Под ногами звякнула плитка со следами искусства. Возможно, «незначительные римские мозаики» (Флобер).

Оздоровительный комплекс на месте идейно чуждого святилища – это так нам знакомо, читатель!

От бани поводырь направил меня обратно к расходящимся тропкам, а потом на лужайку, уставленную покосившимися столбиками-пирамидками. Тут он сделал широкий жест, означающий приглашение к осмотру.

Перемещение в пространстве на пять десятков метров дало перескок в другую эпоху – на полтыщи лет древнее римских бань. Я присел на корточки и разглядел на стёртых боках пирамидок едва заметные линии, провёл по ним пальцами. Это было ничем не передаваемое ощущение: прикоснуться к *бетилу* – жертвенному камню, установленному знатным карфагенянином этак две с половиной тысячи лет назад в знак того, что он посвятил его Луноликой владычице Тиннит, святой деве карфагенского пантеона. Вот её знак: женская, расширяющаяся книзу, фигурка с раскинутыми в стороны чёрточками-руками. Что это была за жертва? И по какому поводу?

Тиннит – богиня странная. Неизвестно, как появился её культ. Наиболее распространённая версия отождествляет её с Астар-

На мозаике IV в. н.э. запечатлена беспечная жизнь обитателей римской усадьбы в Северной Африке.

той, богиней плодородия и любви в Сирии, Финикии и Палестине. Тиннит девственница и в то же время супруга, «око и лик» верховного божества Баал-Хаммона. Она не блещет женской красотой и статью. Неизвестный скульптор изобразил Тиннит приземистой женщиной с головой льва. Флобер, потрясённый несходством образа богини с античными представлениями о женственности, дал

Статуя Баал-Хаммона I в. н.э. – копия пунической модели.

Терракотовые маски из пунических погребений.

Тиннит в образе львицы. I в. н.э.

в романе живописное описание Луноликой: «Чешуя, перья, цветы и птицы доходили ей до живота. В ушах у неё висели наподобие серёг серебряные кимвалы, касавшиеся щёк. Она глядела пристальным взором; сверкающий камень в форме непристойного символа, прикреплённый к её лбу, освещал весь зал, отражаясь над дверью в зеркалах из красной меди». Окружают богиню столь же монструозные существа: крылатые быки, летающие с задранными хоботами слоны, рыбы с человеческими головами, многоногие змеи. Особенно замечательно огромное яйцо, свисающее с пупка богини – оно вершит сюрреалистическое буйство, отсылая наше воображение прямо к Босху и Дали.

Однако, несмотря на столь устрашающую подачу образа Тиннит, не она тре-

вод писатель представляет чудовищем, постоянно требующим людских жертв. (Интересно, что написал бы Александр Иванович, побывав он на Чернобыльской АЭС?)

Между тем, сохранившиеся скульптурные изображения главного карфагенского бога не даёт оснований для сурового приговора: пожилой благообразный дядечка сидит в кресле, демонстрируя скорее волю к власти, чем каннибальские наклонности.

И всё-таки... Всё-таки – было. Не будем скрывать. Жертвоприношения детей в Карфагене практиковались, и они здорово подпортили его репутацию.

Человеческие жертвоприношения, как известно, придумали не в Карфагене. В древности было в обычае приносить пленных в благодарность богам за успешный исход битвы. Известен

Надгробие из Карфагена.

библейский сюжет об Аврааме, который по велению Бога «наколлот дров для всесожжения» своего сына Иакова, и только благодаря подоспевшему ангелу этот бесчеловечный акт не состоялся. В Книге пророка Иеремии Господь, напротив, осуждает сыновей Иуды за то, что те «устроили высоты Тофета в долине сыновей Енномовых, чтобы сжигать сыновей своих и дочерей своих в огне, чего Я не повелевал». Тофет – это место, где приносились жертвы, и потому святилище Тиннит называют Тофетом Саламбо.

Подобно Аврааму, карфагеняне без колебаний жертвовали Баал-Хаммону первородных сыновей. Когда город осадил сиракузский тиран Агафокл, Совет ста четырёх (верховный орган управления) выбрал двести знатных семейств, которые должны были отдать младенцев Баалу. Ещё триста фанатичных граждан принесли мальчиков на заклятие добровольно. Спасение города явилось высшим оправданием понесённых жертв. Надо, однако, заметить, что в последние века Карфагена детей стали заменять ягнятами.

В романе «Саламбо» Флобер дал волю воображению, описывая леденящий душу кровавый ритуал. Не будем судить его, но на самом деле, как установлено исследователями, не было ни раскалённого медного чрева Баал-Хаммона, ни движущихся рук, загребующих в развёрстую утробу вопящих младенцев. Ритуал выглядел так: жертвенный младенец умерщвлялся жрецом в храме, затем тельце возлагалось на вытянутые руки божества, откуда скатывалось в погребальный костёр. (Это, конечно, не оправдание, но уточнение.)

Пепел искипительных жертв собирали в специальные сосуды и хранили в храмах. Подобный санктуарий был и здесь. Керамические урны, обнаруженные при раскопках тофета, теперь находятся в подвале, куда завёл меня молчаливый гид. Я увидел цветную схему, демонстрирующую места находок и урны, расположенные на стеллажах в соответствии с датировкой. Наиболее древние относятся к VIII веку до н.э. – оплывшие комочки, неотличимые от кусков глины.

Чтобы я не имел сомнений в предназначении керамических горшочков, страж древностей обозначил рукой маленький рост ребёнка, сделал страшные глаза и провёл ладонью руки по горлу, а потом осуждающе покачал головой. Мне оставалось только согласиться с ним.

Отблагодарив гостеприимного привратника и отряхнув, так сказать, прах веков с подошв, я покинул мрачную сень деревьев, растущих на месте погребальных костров.

Поблизости от тофета – остатки некогда знаменитых карфагенских гаваней, равных которым не было в Средиземноморье. В каменных эллингах здесь одновременно строилось по 200 судов. Пока римляне не создали свой флот по образцу финикийского, карфагеняне беспрепятственно направляли корабли с колонистами в Ливию и Испанию, на Сардинию и Сицилию.

Когда море отступило, там, где ковалась военная и коммерческая мощь Кар-

Жрец, несущий ребёнка, предназначенного в жертву. IV в. до н.э.

фагена, образовались два неглубоких пруда. На мосточке, возле какого-то ветхого сарая, сидит пожилой мужчина с удочкой, ловит рыбу в водах некогда секретной гавани. Другой, в сильно потёртом пиджаке, предлагает купить фальшивые монеты, страстно убеждая, что они подняты с морского дна: «Пуник! Роман!» Всё это похоже на живую иллюстрацию известного афоризма «Sic transit gloria mundi».

Восхождение на Бирсу, кремлёвский холм карфагенян, – занятие нетяжёлое и увлекательное. Множество тропок (значительно больше, чем в саду Саламбо) разной степени про-

топтанности опутывают склон холма. Но их хаотичность – кажущаяся, просматривается общее направление к вершине, где на фоне безоблачного неба маячит тёмно-жёлтый Сен-Луи с заострённым, наподобие шлема, куполом и башенками по углам. Собор посвящён памяти короля Людовика IX Святого, возглавлявшего крестовый поход на Тунис и умершего где-то в этих местах. Построили его в XIX веке на самой высокой точке явно с умыслом: французский католический храм господствует как над историческим прошлым, так и над окрестными арабскими деревнями. Разумеется, после получения Тунисом независимости собор превратили в музей карфагенских древностей.

Чем выше взбираешься на холм, тем больше эпических картин разворачивается перед глазами. По шоссе, огибающему Бирсу, неслышно снуют автомобили. Левее узнаются очертания аэропорта и блестящие крестики самолётов. На фоне горного края Хаммам-Лиф громоздятся кварталы столицы: тёмное пятно медины – старого города – окружено прибоем многоэтажных белых домов и угёсами отелей. У вершины края уже легла дымка, предвещающая наступление вечера. На гигантской тёмной линзе моря – жёлтый разлив солнца...

Если сосредоточенно смотреть только перед собой, возникает острое же-

Терракоговая фигурка из тофета Саламбо. IV в. до н.э.

лание постичь смысл каждого встреченного обломка прошлого. Что означает, например, этот закруглённый кусок кирпичной кладки, подёрнутый оранжевым лишайником? Чем был выступающий из земли камень со следами рубила каменотёса? Какую роль играла полузасыпанная щебнем арка? Откуда взялись черепки, перемешанные с камнями, на дне ямы?

Иногда кажется, что идёшь по гигантскому заброшенному кладбищу: бугорки справа и слева легко трансформируются в расплывшиеся, с едва уловимыми очертаниями, могилы. На самом деле это следы археологических работ, каких здесь было множество – копают Бирсу с 30-х годов XIX века. Один раскоп, метров десяти длиной, открыт для обозрения истинным ценителям древностей, которые предпочитают автобусу пешее восхождение на холм. Видна мощная стена, сложенная из грубого камня, назначение которой мне тоже было не вполне ясно. Быть может, это остатки знаменитых карфагенских укреплений, поражавших современ-

Знак Тиннит с надписью на пунийском языке. Последние века Карфагена.

ников прочностью и длиной. Город был окружён 34-километровой лентой стен толщиной девять и высотой пятнадцать метров. Внутри стен располагались несколько сот боевых слонов в загонах, склады фуража, а над ними – конюшни на 4 тысячи лошадей и казармы на 20 тысяч пехотинцев. Наш разум с трудом постигает, какие затраты человеческой энергии и человеческих жизней потребовались римлянам, чтобы сокрушить эти яростно защищаемые циклопические сооружения. «Земля, политая кровью» – здесь не метафора. «Мы шли сюда по широкому оврагу со склонами из красной глины, похожими на окаменевшие волны крови» (Флобер).

Финикийцы, римляне, берберы, нумидийцы, вандалы, византийцы, арабы, норманны, крестоносцы, турки, французы – кто только ни владел этой землёй, кто не удобрял её человеческими жертвоприношениями...

Кругом ни звука. Только выдубленные солнцем и ветром до мертвенной белизны

Древние развалины соседствуют с современными поселениями.

Собор Св. Людовика на вершине Бирсы, превращённый в музей.

дудки трав отзываются недовольным шорохом на случайные прикосновения к ним.

Наверное, такой же тишиной, подумал я, встретил этот холм колонистов, явившихся сюда через сто с лишним лет после разорения Карфагена, чтобы вновь населить покинутый людьми край. К тому времени обильные осенние дожди давно растворили и унесли прочь соль проклятия, а дикие травы затянули рубцы борозд, укрыв останки города. Уже тогда никто в точности не знал, как выглядели улицы и площади Карфагена, сколько в нём было храмов и какие они были, куда увезли оставшиеся после погрома скульптуры, что представляло собой собрание древних рукописей, частью сожжённых, частью раздаренных победителями неграмотным африканским царькам. Правда, живая речь финикийцев ещё несколько веков звучала, затухая, в колониях Рима. Потомки обращённых в рабство и случайно уцелевших граждан Карфагена пересказывали детям на языке предков предания о процветании и гибели своей родины.

На плоской вершине Бирсы, где стоит превращённый в музей Сен-Луи, можно совсем близко ощутить Карфаген. Когда археологи раскопали южный склон холма, они обнаружили под толщей земли основания домов. Фрагменты городской застройки сохранились благодаря случаю. Колонисты засыпали галькой целый квартал руин, чтобы расширить площадку. Тем самым они законсервировали на

века крохотный фрагмент городского квартала.

Я спустился по деревянным лестницам в раскоп, мимо коралловых веточек фундаментов, прорастающих из толщи времён. Внизу можно было прогуляться по мосткам, как, вероятно, прогуливались по узким, с тесно поставленными шестиэтажными домами, улочкам Бирсы беспечные обыватели.

Во внутренних двориках домов были устроены цистерны для хранения питьевой воды, поступавшей по акведуку, – вот они, уходящие в таинственную глубину каменные колодцы. Заметны также куски керамических труб – должно быть, остатки городской канализации. Надо добавить, что карфагеняне мостили улицы камнем, быть может, первыми в мире. Вообще они умели делать свою жизнь удобной и обеспеченной.

Помимо домов, храмов и дворцов зна-ти, в городе было множество мастерских – там обрабатывали железо, медь, свинец, бронзу и драгоценные металлы, ковали оружие, выделывали кожи, ткали и красили ткани, делали мебель, керамическую посуду, украшения из драгоценных камней, золота, слоновой кости и стекла. Однако римские солдаты мало чем смогли поживиться, разбирая дымящиеся руины. В разбитых складах и лавках всё было вперемишку: залитые маслом и вином туники, разломанные египетские нефритовые амулеты, оплавленные слитки испанского серебра, расколотые краснофигурные ва-

зы из Коринфа, полусожжённые сирийские халаты, разорванные шкуры африканских зверей...

Устроители исторического заповедника (ныне он находится под патронажем ЮНЕСКО) придумали мемориал, запечатлевший разбитую на куски историю. Построили бетонную стену выше человеческого роста и вмуровали в неё фрагменты археологических находок, не имеющие самостоятельной научной ценности. Я шёл вдоль стены и заносил в блокнот: часть колонны с бороздками-канелюрами, змею, обвившую ствол дерева, обломок амфоры, растительный орнамент, ножку ребёнка в сандалии, открытый в крике рот, глаз с недоумённо изогнутой бровью...

Уже минут через пять я осознал бесперспективность своего занятия – стена тянется метров на пятьдесят, этакий колумбарий цивилизаций. Ещё припомнилась «Герника» Пикассо – та же идея разбитой на куски жизни.

Тотальное уничтожение Карфагена – благоустроенного города, накопившего огромные богатства, кажется бессмысленным. Даже вандалы с их вандализмом («ВАНДАЛИЗМ – варварское разрушение культурных ценностей». – Словарь) – даже они не сожгли Колонию Юлия, а сделали её столицей своего королевства. Следовательно, просвещённый Рим не интересовали материальные и культурные ценности – ему нужно было устранить соперника,

Из земли выступают остатки древних сооружений.

стереть с лица земли ненавистный город и похоронить саму память о нём.

Рим видел в лице Карфагена главное препятствие в господстве над Средиземным морем, а значит в устройстве мира по римскому образцу. К середине II века до н.э. римляне уже прибрали к рукам наследство Александра Македонского на Востоке. Карфаген торчал занозой в глазу, оставался непокорным островком Востока в ми-

Стена с фрагментами археологических находок.

ре Запада, азиатским пришельцем в Европе. Обычаи карфагенян не укладывались в умы благонамеренных римских граждан: эти варвары приносили в жертву богам собственных детей, делали обрезание, носили в носу кольцо и ели жаркое, приготовленное из специально откормленных собачек!

Так что Карфаген был обречён.

Но он был обречён и по иным причинам – своим собственным.

После II Пунической войны, окончившейся в 201 г. до н.э., Карфаген потерял свои колонии, почти весь флот и должен был в течение 20 лет выплачивать Риму огромную контрибуцию. Фактически республика оказалась под иностранным протекторатом, даже мелкие пограничные споры с африканскими вождями ей следовало выносить на рассмотрение римского сената.

Каждому здравомыслящему человеку было ясно, что это ещё не финал, и следует готовиться к худшему. Однако политическая зависимость отечества от державы, не скрывающей своих агрессивных планов («Карфаген должен быть разрушен!»), казалось, мало беспокоила правящий класс. Составлявшие его олигархи были озабочены лишь личным благосостояни-

ем и всегда имели в запасе Канарские острова, некогда открытые отважными финикийскими мореплавателями. «Олигархия обнаружила свою полную неспособность и бессовестность; чтобы сохранить своё положение, она явно искала поддержки у Рима, и отношения её к победоносному сопернику доходили почти до измены отечеству» (Моммзен). В 195 г. Ганнибал, встав во главе карфагенской администрации, добился ограничения всевластия олигархов, однако и те не дремали: по доносу из Карфагена римский сенат потребовал выдать Ганнибала, так что ему пришлось бежать и окончить свои дни где-то в Малой Азии.

А что же народ? Народ, как всегда, безмолвствовал, давно развращённый подачками и озабоченный лишь тем, чтобы подороже продать свой голос на выборах членов Советов ста четырёх.

В 149 году до н.э. Рим наложил на город новую контрибуцию: 200 тысяч боевых доспехов, 2 тысячи катапульта и все имевшиеся в наличии корабли. После того как и эти условия были выполнены, сенат Рима неожиданно объявил, что карфагеняне должны покинуть родные места и поселиться в пятнадцати километрах от моря.

Туристы у обломков истории.

И только тогда отчаяние приговорённых вызвало у защитников города взрыв героизма и самопожертвования. Оружейные мастерские без перерыва изготавливали мечи, пики, щиты, стрелы и метательные снаряды. Женщины жертвовали свои волосы на верёвки для катапульта.

Два года римская армия вела военные действия, безуспешно пытаясь взять неприступные укрепления Карфагена, пока во главе её не был поставлен молодой консул Эмилий Павел (Сципион Младший). Предпринятые им решительные действия прервали снабжение Карфагена с моря. Весной 146 года, когда осада стала полной, начался штурм.

Среди ближайшего окружения римского полководца был один из самых образованных людей того времени историк Полибий. Благодаря его записям, дошедшим до нас в переложении других хронистов, взятие западной столицы финикийского мира известно в деталях.

Перед началом решающего наступления мистически настроенный Сципион произнёс магическое заклинание. Он предрёк, что боги, покровительствующие Карфагену, отныне оставят его, а силы зла обрушат на город всю свою ярость.

Наступающие ринулись на морской порт и вскоре захватили его. Следующей была рыночная площадь. Потом пал храм Баал-Хаммона. Солдаты содрали со статуи бога золотое покрытие и тут же поделили его между собой.

Сципион гнал и гнал когорты наверх, к Бирсе, где находилась ставка командующего гарнизоном Гасдрубала. На улицах шла жестокая сеча. Из-за скученности домов и обилия обороняющихся наступление грозило захлебнуться. Тогда консул отдал приказ жечь город и разбирать дома, чтобы освободить дорогу к вождельной цитадели.

«Огонь сжигал всё и перекидывался с дома на дом, а люди не постепенно разбирали здания, но, навалившись все разом, обрушивали их. От этого грохот ещё более усиливался, и все вместе с камнями вываливались на середину улиц, вперемешку и мёртвые и живые, в большинстве старики, женщины и дети, которые прятались в укромных местах домов; одни раненые, другие полуобнажённые, они испускали жуткие вопли. Другие же, сбрасываемые и падавшие с такой высоты вместе с камнями и горящими балками, испытывали огромные страдания, ломая кости и разбиваясь насмерть. Но этим их мучения не кончались; сборщики камней, которые топорами, секирами и крючьями оттаскивали упавшее и расчищали до-

Римский скульптор представил знаменитого полководца Ганнибала похожим на римского героя.

рогу для пробегавших солдат, одни – топорами и секирами, другие – остриями крючьев выбрасывали мертвых и ещё живых в ямы, таща их и переворачивая железом как бревна и камни. Люди, точно мусор, заполняли рвы... Лошади на скаку разбивали им лица и черепа, не потому что всадники этого хотели, но из-за спешки. По этой же причине так делали и сборщики камней; трудность войны, уверенность в близкой победе, быстрое передвижение войск, военные центурионы, пробегавшие мимо со своими отрядами, сменяя друг друга, – все это делало всех безумными и равнодушными к тому, что они видели» (Аппиан).

Шесть дней и ночей продолжалась кровавая оргия. (Для сравнения напомним, что 29 мая 1453 года турки взяли Константинополь штурмом за 6 часов.) Со стен Бирсы Гасдрубал наблюдал за тем, как сжимается вокруг холма роковое кольцо. Жрецы обратились к богам, но боги, как и предрёк Сципион, отвернулись от Карфагена. Быть может, им снова понадобились кровавые жертвы, сотни мальчиков из знатных семейств, как в давние времена? Или Карфаген был наказан за чрезмерное корыстолюбие? Так или иначе, но молитвы жрецов не возымели действия, и дым из священных курильниц напрасно возносился к небесам.

Римские тараны размеренно били в стены Бирсы. Надежды на спасение не было.

По договоренности со Сципионом Гасдрубал выпустил из цитадели 50 тысяч

мужчин и женщин – мирных горожан. Их тут же обратили в рабов.

Узрев печальную участь сограждан, сдавшихся на милость победителей, защитники Бирсы заперлись в храме бога Эшмуна и подожгли его.

Жена Гасдрубала, заколов своих сыновей, тоже нашла смерть во всепоглощающем огне.

Окончательно потерявший самообладание Гасдрубал, валяясь в ногах у Сципиона, в числе первых взошедшего на холм, молил его о пощаде.

Потрясённый Сципион, знаток литературы, философии и истории, смотрел на языки пламени, охватившего величественный храм, и вспоминал старое предание об основательнице Карфагена Дидоне, шагнувшей в костёр, чтобы не попасть в руки врагов. Возможно, он увидел в этом исторический символ: два костра обозначили круг жизни Карфагена.

«Долго стоял он в раздумье о том, что города, народы, целые царства, подобно отдельным людям, неизбежно испытывают превратности судьбы, что жертвой её

пали Илион, славный некогда город, царства ассирийское, мидийское и ещё более могущественное персидское, наконец, так недавно ярко блиставшее македонское царство» (Аппиан).

Спуститься с холма я решил по другой дороге, ведущей к станции Карфаген-Ганнибал. Солнце уже зашло, и белостенные виллы в садах выглядели не столь торжественно, как днём. Поезд через каждые две-три минуты останавливался у платформ с историческими названиями, потом покатило по дамбе, вдоль складов, кранов, причалов, яхт и барж. Картина портовой жизни сменилась видом на огромное кладбище автомобилей, ждущих очереди на переплавку – останки нашей цивилизации.

Я думал об энергии ненависти, заключённой в призыве старика Катона. Она была столь велика, что, проделав спираль во времени, настигла наследников цивилизации, насаждённой Римом в Африке. Катон ведь просто призывал разрушить Карфаген, а получилось, что он предсказал всю дальнейшую судьбу великого города.

Это уже другие времена Карфагена: на попоне хорошо виден христианский крест. Всадник словно прощается с далёким прошлым, навсегда ушедшим в историю.

В оформлении очерка использованы фотографии И. Дмитрука и фотографии из книг: Grant M. The Fall of the Roman Empire. – N.Y., 1980. РГБ: Ин К5-51/77. Picard G. and c. The Life and Death of Carthage. – L., 1968. РГБ: Ин К5-41/141.

Дэвидсон Б. Новое открытие древней Африки – М., 1962. РГБ: Б 62-35/274.

Сидорова Н., Чубова А. Искусство римской Африки. – М., 1979. РГБ: Б 79-1/141.

Циркин Ю.Б. Карфаген и его культура. – М., 1986. РГБ:1 86-51/107-9.